

темпы естественного прироста, и доля детских и подростковых возрастных групп (если в 1897 году доля детей и подростков составляла 52,1%, то в 1989 году она составила 16,2%); увеличилась доля лиц репродуктивного возраста (в 1897 году она равнялась 41,9%, а в 1989 году – 53,8%), доля лиц пожилого возраста (в 1897 году составляла 6,1%, а в 1989 году – 30,0%), уменьшалась диспропорция полов.

Литература

1. Батяев, В. Ф. Евреи / В. Ф. Батяев // Кто живет в Беларуси / А. Вл. Гурко [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы. – Минск : Беларус. навука, 2012. – с. 402–452.
2. Расселение и этно-демографические особенности белорусских евреев (по материалам переписей) / В. Ф. Батяев // Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы на Беларусі / Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь, Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя М. Танка, Фонд фундаментальных даследаванняў Рэспублікі Беларусь. – Мінск : БДПУ, 1998. – с. 57–76.
3. Беларусь. Атлас : этнаграфія, дэмаграфія, дыяспара, канфесіі / Фонд фундаментальных даследаванняў Рэспублікі Беларусь, Беларускі фонд Сораса. Праграма Абнаўленне гуманітарнай адукацыі ; старш. рэдкал. С. А. Польшкі, навук. рэд. В. К. Бандарчык. – Мінск : Мінская картаграфічная фабрыка, 1996. – 33 с.
4. Натуральны рух насельніцтва БССР за 1927 г. / ЦСУ БССР. – [Бм.] : [Бв.], 1930. – 120 с.
5. Цыпин, В. М. Евреи в Мстиславле / В. М. Цыпин. – Иерусалим : Скопус, 2006. – 373 с.

Беспалый Ю.Н.

(Республика Беларусь, г. Минск)

СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ПРАВДА В БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Определение справедливости и правды в белорусском языке предполагает анализ социокультурных процессов, их динамику и ценностные истоки, формирующие содержание справедливости и правды. Их содержание и использование в языке взаимосвязано с процессами социодинамики форм культуры, традиций, формированием правовых норм. На определение справедливости и правды в белорусском языке влияет их лингвистическая близость как однокоренных понятий.

Необходимо признать наличие пробела в отечественной гуманитаристике в исследовании языка белорусской правовой системы, исследовании понятий «справедливости» и «правды» с точки зрения лингвистики и их проявление в правовой культуре. Проблема существует и в западной культурологической мысли. Некоторые исследователи, перефразируя Г. Харта, считают, что юридический язык – «разновидность дискурса, связанного с провозглашением и применением правил» [1, с. 102].

Российские исследователи в этой связи отмечают, что «слово “справедливость” в русском языке XI–XVII веков неизвестно, фиксируется в словарях с 1762 года и, скорее всего, заимствовано из польского языка (*sprawiedliwość*), куда пришло из чешского, но не исключают и возможности собственно русского образования» [2].

Главная идея отечественной доктрины выражена В. И. Павловым: «Несмотря на использование латинских терминов в праве вследствие рецепции римского права (западного пути рецепции), способы мыслимости права, а главное, правовая жизнь, практики правовой субъективации даны нам в аутентичном языковом коде, которым для нас однозначно выступает кириллический, тесно связанный с восточно-христианской духовной традицией. Опыт правовой жизни, формирующийся внутри одной культурной

традиции, по этой причине сталкивается с заданной точкой мышления из другой культурной традиции» [3, с. 88].

В целом соглашаясь с точкой зрения В. И. Павлова, отмечаем, что кириллическая традиция выразилась сначала в староболгарском (старославянском) языке, а затем в старобелорусском. Но этапы их доминирования очень выразительно отличаются по уровню восприятия «справедливости» и «правды». В XI – начале XIV веков в восточнославянских княжествах единственным средством коммуникации оставался старославянский язык, им же пользовались в судебной, административной сферах. Старославянский язык сформировал концепт «правда-справедливость», который в культурной традиции славян отразился в особом понимании справедливости.

Важнейшую роль сыграла социокультурная жизнь Восточной Римской империи (Византии). На протяжении столетия она вбирала в себя ценности античного наследия и христианской культуры, а также кодифицированного римского права. Труды Аристотеля и Платона, фрагменты из их произведений были достаточно широко известны среди образованных людей того времени, через так называемые флорилегии – сборники изречений, афоризмов и моральных сентенций, расположенных в хронологическом порядке. По свидетельству исследователей, в таких сборниках имелись главы о добре и зле, добром и дурном правлении, об истине и заблуждении и др. В одном из них содержатся утверждения об общественной справедливости, справедливом и просвещенном правлении, которое основано на свободе, потому что «егда раб начальствовати начнет, со досады насильствует» [4, с. 17]. Нельзя не обратить внимания на то, что во флорилегиях комментируется императив из Нового Завета: «Буди же всем, яко ты хочеши, да будут ти» [4, с. 17].

Деятельность по распространению духовного наследия Византии помогла сформировать христианско-духовную жизнь и в княжествах Древней Руси, в том числе и Полоцком. Знакомство образованной элиты с разнообразной литературой Византии формировало и бытие, и жизнь, и правовую культуру. При этом понятие «справедливость» предполагало и христианское понимание, и правовое. И если первое проповедовала церковь, то второе олицетворял князь и его администрация. Очевидно, что население верило в княжескую правду (справедливость), отсюда и названия первых памятников правовой культуры, к примеру: «Русская правда». Важно подчеркнуть, что «Русская правда» была выработана и распространялась на территории, подвластной Ярославу Мудрому, а затем его сыновьям и Владимиру Мономаху. Примечательно, что даже при переводе законов европейских народов салического, саксонского и др. они получали название «правда»: Салическая правда, Саксонская правда, Правда короля Альфреда и др.

Обладая политической, экономической, культурной самодостаточностью, Полоцкая земля была в состоянии выработать собственные правовые нормы. По каким-то правилам, согласно «Слова о полку Игоревом», суды судил «Всеслав Чародей». Надо думать, что они были для населения источником и олицетворением правды.

На белорусских землях правовая мысль развивалась в контексте общеевропейской. Объединяющим началом этого процесса, по нашему мнению, можно считать обращение к нравственным нормам, регулирующим внутренние правила поведения человека. Об этом свидетельствуют философско-богословские труды К. Туровского, Кл. Смолятича, в которых содержатся идеи глубокого этического смысла, дана оценка человеческого разума как «высшей ценности человеческой жизни».

На протяжении XIII века был заключен ряд договоров Смоленского, Полоцкого и Витебского княжеств с немецкими и рижскими торговыми партнерами. Изучающие данные документы историки права, например, И. А. Юхо, отмечают, что основу договора составил принцип равенства сторон. Это доказывает, что белорусские княжества были признаны суверенными политическими образованиями с достаточно

развитой правовой системой, системой государственного управления, языковой и культурной идентичностью.

В разрезе нашего исследования необходимо отметить, что в перечисленных документах договаривающиеся стороны многократно ссылаются на соблюдение «правды», как основного условия соглашения. В миропонимании людей, живших в XIII столетии, традиционно слово «правда» заменяло использование понятия «справедливость». Поэтому можно констатировать, что правда (справедливость), учитывая закрепление в международных документах XIII века, сохранила свой формально-правовой статус, то есть, являлась нормой, регулирующей торговые отношения, она становится международно-правовым принципом. В дошедших до нашего времени памятниках письменности XI–XIII веков упоминаются такие морально-нравственные понятия, как праведный суд, справедливость, добродетель и др., причем употребляются они применительно к конкретным событиям.

Можно заметить, что такой процесс поиска единой понятной нормы для коммуникации и регулирования торговых отношений, имеет сходные черты с формированием корпуса «справедливости» в европейском праве. Отметим, что рубеж XIII–XIV веков является переломным во всех формах социо-динамики: государственно-образующей, социальной, культурной и т. д. Перемены коснулись и языковой ситуации: под влиянием особенностей разговорного языка писарей, которых набирали в великокняжескую канцелярию, в основном, из окрестностей столицы, утверждает отечественный лингвист И. Климов, древнерусский язык постепенно вбирал новые черты, которые и сформировали старобелорусский язык с его лингвистическими особенностями. Как показывают современные социокультурные исследования, ситуация с одним языковым кодом не была характерна для белорусских земель. С принятием католицизма в качестве государственной религии, культурная жизнь молодого государства – Великого Княжества Литовского, начала постепенно ориентироваться на Запад.

Латынь, как язык международного общения, оказывала влияние и на лингвистические процессы в старобелорусском языке. В Привилее 1447 года великого князя Казимира Ягеллончика впервые упоминается термин «справедливость» в его противоположном значении – «не-справедливость». Понятие «правда» фактически исчезает из официальных документов. Важнейшее значение для культуры ВКЛ имело обучение шляхетской молодежи в европейских университетах. Уже в XV веке за границей обучалось более тридцати уроженцев ВКЛ. Следующее столетие выдвинуло целое созвездие выдающихся деятелей белорусской культуры европейского уровня.

Мы не ставим своей задачей подробное освещение взглядов Ф. Скорины и А. Волана, анализ позиций по морально-правовым проблемам М. Литвина, С. Будного и других просветителей XVI – первой половины XVII столетий. Научный анализ правовой мысли этого периода дан в работах С. Ф. Сокола и И. А. Юхо. Из них следует, что основное содержание взглядов просветителей характеризует стремление сблизить мораль и право, подчинив их одной цели – достижению справедливости. Их взгляды получили широкое распространение в обществе и находили применение на практике. Подтверждением сказанному может быть законотворческая деятельность в ВКЛ, ярким отражением которой является работа над тремя Статутами ВКЛ, каждый последующий из которых превосходил предыдущий по уровню и практическому воплощению юридической мысли.

Таким образом, можно констатировать, что социокультурная динамика белорусского общества развивалась в объективно-закономерном русле. Это нашло отражение в лингвистической форме культуры, а также правовой культуре. Если первый этап (XI–XI II) социокультурного развития, сблизил белорусское общество с византийской культурой, что отразилось в языковых формах, то на втором этапе (XIV–XVI века) аналогичный процесс испытывал определенное влияние западно-европейской

цивилизации, что отражается в превалировании латинской терминологии во многих документах той эпохи.

Литература

1. Касаткин, С. Н. Анализ языка и объяснение правовых понятий философско-лингвистическая методология Г. Харта / С. Н. Касаткин // Классическая и постклассическая методология развития юридической науки: Сборник научных трудов / Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Учреждение образования «Академия министерства внутренних дел Республики Беларусь»; редакционная коллегия: А. Л. Савенок (пред.) [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2017. – 378, [2] с.

2. Байдавлетова, Л. Р. Концепт «правда-справедливость» в русской языковой картине мира (на материале фразеологии) [Электронный ресурс] / Л. Р. Байдавлетова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-pravda-spravedlivost-v-russkoj-yazykovoy-kartine-mira-na-materiale-frazeologii>. – Дата доступа: 10.10.2020.

3. Павлов, В. И. Классическая и постклассическая методология развития юридической науки: Сборник научных трудов / В. И. Павлов // Министерство внутренних дел Республики Беларусь, Учреждение образования «Академия министерства внутренних дел Республики Беларусь»; редакционная коллегия: А. Л. Савенок (пред.) [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2013. – 194, [2] с.

4. ИСРЛ. – Т.1. : Лаврентьевская летопись. – М., 1997. – с. 127.

Большакова Н.В.

(Российская Федерация, г. Псков)

«ДИТЯ В КОЛЫБЕЛИ» (К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ НАИМЕНОВАНИЙ КОЛЫБЕЛИ В РУССКИХ И БЕЛОРУССКИХ ГОВОРАХ)

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20-512-00003 «Субкультура детства в дискурсе устной истории, языке и фольклоре Витебско-Псковского пограничья XX – начала XXI века»

Современная диалектная речь содержит сведения о культуре детства, начиная от самого рождения ребенка до временных рубежей перехода в другую возрастную группу традиционного социума. Рождение и самые первые годы жизни ребенка в традиционной культуре сопровождаются целым рядом обрядовых действий, призванных обезопасить новорожденного от злых сил. Колыбель признается *«первой земной обителью человека»*, а качание в колыбели, *«по поверьям, стимулирует рост и развитие ребенка»* [11, с. 559]. Изготовление колыбели, ее внесение в дом (*«ни в коем случае не опускать на землю, чтобы не навлечь на ребенка беду»*), размещение в подвешенном положении к потолочной балке – матице и многие другие ритуальные действия выполняли охранную функцию [11, с. 559–561].

Образ колыбели и диалектные номинации, связанные с ней, составляют важную сторону жизни народа и признаются значимой чертой традиционной крестьянской культуры: *«Посреди избы висит на длинном шесте (очене) колыбель. Шест, в свою очередь, продевается в кольцо, вделанное в потолочную матицу. В разных областях колыбель изготавливают по-разному. Она бывает целиком плетеной из прутьев, бывает с боковиной из луба, с дном матерчатым или плетеным. И называют ее тоже по-разному: люлька, зыбка, колыска, колубалка. К колыбели привязывалась веревочная петля или деревянная педаль, которая позволяла матери качать ребенка, не отрываясь от работы. Висячее положение колыбели характерно именно для восточных славян – русских, украинцев, белорусов. И это связано не только с удобством, но, прежде всего, с народными поверьями (стоящая на полу люлька появляется много позже). По*